

«Там за рекою лошади бредут. Они на том, а я на этом берегу. Как медленно они переступают... И гаснет медленно осенний день, и книгу старую я медленно листаю, там лошади бредут, переступая, и гаснет день...»

На песнях Сергея и Татьяны Никитиных выросло несколько поколений. Лирики, рожденные шестидесятыми, нашли ли они себя в сегодняшнем, совсем нелирическом дне?

Для меня полной неожиданностью было то, что Татьяна, как говорится, «получила должность». Стала человеком, облеченным государственной властью (сначала — заместитель префекта Центрального округа по культуре, науке, образованию, теперь — заместитель министра культуры России). Поэтому первые вопросы именно к ней.

— Долгие годы в нашей стране интеллигенция относилась к власти с нескрываемой брезгливостью. Как получилось, что вы оказались в чиновничьем кресле?

Т. Н.: Мы всю жизнь избегали чиновников, и я тоже не могла подумать, что окажусь здесь. Все решилось в одну секунду. Я дала согласие, даже не посоветовавшись с Сергеем. Мне было интересно, можно ли с этого места кому-то помочь. Как руководитель, я горела, переоценивая людей, но с первого же дня сказала, что за хамство увольнять буду безжалостно. Сейчас — может быть, срабатывает имя — ко мне идут именно как к Никитиной. Бывает невероятно стыдно — приносят цветы, а я сержусь. Моя прямая обязанность подписать то, что не противозаконно. Что стоит эта закорючка на бумаге? А благодарят так горячо, что у меня слезы на глазах — как наш человек привык быть задавленным властью. Помимо воли я стала заложницей приходивших и приходящих ко мне людей. Я уже знаю их, люблю и не в состоянии бросить.

— У Никитиных всегда была своя философия песни. Не сказывается ли это в вашей сегодняшней работе?

Т. Н.: Мы в песне всегда хотели быть независимыми, и сегодня на моих взаимоотношениях с жизнью «сидение» в кресле не отразилось. Для меня очень важно быть в состоянии высказать человеку то, что я думаю, не взирая на мундир. Я не боюсь, что не угожу кому-то, потому что не цепляюсь за свое место.

Быть прислужником у хунты я не хочу, работать в компании жуликов — тоже. С другой стороны, мне совершенно ясно, что, если сейчас не закрыть своим организмом какую-то брешь, больше вероятности, что она будет занята тем самым хамом. Настало время хотя бы попытаться повлиять на эту власть изнутри.

— В общем, «прошла пора вступлений и прелюдий», как пел Высоцкий, Сергей, а вам, лидеру в творческом дуэте Никитиных, не кажется, что миновало и время бардовской песни? Все эти горы-звезды-море-палатки — милое, но, увы, прошлое?

С. Н.: «Оттепель» разбудила первую волну бардов: поэтов, взявших в руки гитары, — Окуджава, Новелла Матвеева — и студентов, выросших со временем до профессионалов — Визбор, Якушева, Ким. Эти имена были паролем для некой общности людей. Достаточно, скажем, было назвать имя Окуджава, чтобы по реакции понять, кто твой собеседник. В шестидесятые авторская песня была способом выжить. Внутренней эмиграцией, суверенитетом, объявленным внутри одной личности. Я, например, пел песню про дурачка: если б дело было в сказке, я б назвал тебя царевной, а себя дураком. Но странно, что неосознанно это воспринималось всеми как гражданский поступок — человек выходил на сцену, не боясь быть смешным, слабым, самим собой.

Сейчас авторская песня — нормальный жанр искусства со своими законами, со своими правилами игры. Здесь есть мастера, есть самодеятельность, есть эпигоны, штамповщики, конъюнктурщики, имитаторы. Говорить, что бардовская песня кончилась — все равно что утверждать конец поэзии. Она не может кончиться, потому что

это естественный способ самовыражения.

— Но не стало ли сейчас на ваших концертах меньше зрителей?

С. Н.: Была мода на бардов — как в свое время на эстрадную поэзию. Ходили на Евтушенко, Вознесенского. Но и их особый слог был всегда по-настоящему понятен лишь узкому кругу людей. Поэтому когда устанавливается наконец «свой» зритель, это естественно. Но вот в чем дело: три-четыре года назад, когда все увлеклось политикой, наша аудитория действительно несколько поредела, в последнее же время — новый поток. Жизнь настолько неприятна, что людям хочется убедиться, что они — «человеки», что есть им подобные. Мне иногда кажется, что зрители приходят не только послушать нас, но и удостовериться в существовании друг друга.

— Все та же «внутренняя эмиграция»?

С. Н.: Я бы назвал это сейчас тренировкой иммунной системы — человек с развитым духом способен противостоять внешним обстоятельствам. Я сам в себе выращиваю эту иммунную систему и хочу помочь сделать это другим. Я до сих пор ощущаю в себе советское воспитание. Из института ушел пять лет назад, хотя был готов к этому лет на десять раньше. Но думаю — вот надежная государственная служба, родственники говорили: «Физик — это престижно», хотя мне, честно говоря, никакие кандидатские были не нужны.

— Татьяна, если для Сергея песня — общение, самовыражение, создание иммунной системы, то что она для вас? Особенно сейчас, как вам удается совмещать ее с нынешней работой, ведь политика и искусство требуют от человека совсем разных качеств?

Т. Н.: Мне действительно стало тяжелее выступать. Я окунулась в гущу страшной жизни. Оказавшись за кулисами власти, знаю теперь очень мно-

гое, чего не замечала раньше. Мы знаем, что все плохо, но тут я увидела, как развито это чиновничье хамство, каков механизм дурения людей. Я иногда прихожу домой, ложусь и не могу говорить, до того мне худо. И после высасывающей из нас соки «бытовухи» трудно выйти на сцену, вынуть душу, вознестись над повседневностью. Песня мне нужна, чтобы не погрязнуть в том ужасе, что вокруг, у этого костра я могу погореться. Но ничего не делать, сгорая у телевизоров в бессильном гневе, для меня тоже невыносимо.

— При всей внешней безопасности ваших песен вас долго не выпускали за рамки отведенного вам официального — «имиджа» певцов лирических и отчасти «детских» песен.

Т. Н.: Почему запрещали Мандельштама, Пастернака? Я думаю, не только потому что Мандельштам был расстрелян, а Пастернак, по случайности, нет. Развитый русский язык предполагает развитую личность, как раз этого не было нужно.

Когда мы попытались расширить свой репертуар на радио и вместо пяти песен, которые все время крутили, показать подводную часть айсберга, в ЦК партии тут же пришло письмо по поводу исполненного нами сонета Шекспира: «Никитины поют Галича!»

С. Н.: Мы всегда имели дело с хорошей литературой, с настоящей поэзией. До сих пор это протест уровнем общения. Мы хотим показать людям — как вообще-то бывает, на каком уровне можно разговаривать друг с другом.

— Вашими собеседниками были Шекспир и Арсений Тарковский, Пастернак и Юнна Мориц, Лермонтов и Вознесенский, люди разных эпох. А как вы ощущаете наше время?

С. Н.: Оно требует, чтобы человек был суверенной державой, взял ответственность на собственные плечи, сам строил свой материальный и, в первую очередь, духовный мир.

— А как же с лозунгом, под которым вы выросли, — «Возьмемся за руки...»?

С. Н.: Я — за объединение перед лицом общей опасности, но за федерацию, объединение личностей.

Т. Н.: Десятилетиями многие, обитая в этой стране, на самом деле жили в себе, в своей культуре, в кругу друзей. Рванувшись навстречу переменам, мы, казалось, отбросили эту игру. Сейчас выясняется, что надо опять искать силы только в себе. В тех же книгах, в чувстве собственного достоинства. Принять то, чего не можешь избежать и не оскотиниться.

Кажется, Саша Черный назвал любовь к России «оскорбленной». Человек чести сейчас чувствует себя оскорбленным — за себя, своих детей, свою страну.

С. Н.: Что изменилось за те двадцать лет, что мы поем? Некий фон, внешние условия. А такие вещи, как «для чего живешь», «любить», «ревновать», «рожать детей», «помирать скоро» — вечны.

Т. Н.: Счастье, жизнь — больше чем «Сталин», «политическая система». Как от этого не зависят любовь, весна, так и нормальный человек не может быть все время погруженным в мысли: «Ах, я живу в этой несчастной стране», «ах, как мне не повезло». Есть радость бытия.

Любовь, случается, не выживает в коммунальных квартирах. Но каждую весну с глупым упрямством лопаются почки.

Беседу вела
Екатерина ЖИРИЦКАЯ.

● Сергей и Татьяна Никитины.

Фото А. Ефремова.

«Что же из этого следует? Следует жить...»

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО